

ОТ ВРЕДНОЙ ПРИВЫЧКИ ПСИХОЛОГОВ К КРИЗИСУ – К ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ А.А. ФЕДОРОВА “ПРИВЫЧКА К КРИЗИСУ”)¹

© 2017 г. А. М. Двойнин

ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет; 129226,
Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., 4, корп. 1, Россия;
Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
E-mail: alexdvoinin@mail.ru

Поступила 27.04.2016

Аннотация. Приводятся уточнения и соображения по поводу ранее сделанного авторского высказывания о том, что мировая психология не находится во внутринаучном кризисе. Поясняется, что те сложности, которые нередко фиксируются исследователями как симптомы кризиса, не угрожают в настоящее время психологии реальным распадом и деградацией, а потому не должны рассматриваться в качестве таковых. Утверждается, что от точности постановки диагноза психологии зависит вектор приложения усилий психологов. Психологи не столько привыкли жить в состоянии кризиса, сколько привыкли к метафоре “кризис”, которая провоцирует их на создание универсальных методологических проектов интеграции психологии, не меняющих коренным образом сложившуюся ситуацию. Вместо этого необходимо сосредоточить усилия на решении проблем в конкретных предметных областях психологии.

Ключевые слова: кризис в психологии, симптомы кризиса, интеграция психологии, методологические дискуссии, кризис идентичности.

DOI: 10.7868/S0205959217030138

В статье “Привычка к кризису” А.А. Федорова комментируется ранее опубликованная мной работа “Кризис в психологии или кризис идентичности российских психологов?” [1]. А.А. Федоров подвергает критическому анализу одно из моих утверждений, касающееся оценки состояния мировой психологии, а также высказывается по некоторым аспектам обсуждаемой проблемы [4]. Мне бы хотелось ответить на критику, а также высказать свои соображения относительно позиции моего оппонента.

В самом начале комментариев А.А. Федоров приводит отнюдь не основной в моей статье тезис о том, что “...*мировая психология не находится во внутринаучном кризисе*” [1, с. 103], выражая свое намерение показать, “что это положение не выводится логически из предшествующего ему анализа” [4, с. 129]. Далее он приводит высказывания зарубежных психологов, полностью или отчасти разделяющих мнение о наличии кризиса в психологии и в отдельно взятой ее отрасли – социальной психологии. Не совсем ясно, как это доказывает нарушение логики вывода в моих рассуждениях при том, что в тексте ее анализ

отсутствует: реализация автором исходного намерения, по сути, ограничивается утверждением о том, что мое высказывание “не вытекает из предшествующего рассмотрения, поскольку в нем не приводились доводы в пользу того, что кризиса нет” [там же, с. 130].

В том, что касается отсутствия доводов, я могу согласиться лишь отчасти (об этом ниже), однако вполне соглашусь с уважаемой коллегой, что *логически* обсуждаемый тезис действительно не выводится из моих рассуждений, потому как его помещение туда имело конкретные соображения, которые не связаны напрямую с целью и логикой проведенного теоретического анализа. Напомню, что цель моих изысканий заключалась *не в определении современного состояния психологии* с точки зрения наличия или отсутствия кризиса, а в выяснении того, “соответствует ли реальности диагноз кризиса психологии, ставящийся российскими психологами, или он выражает собственные ощущения отечественного психологического сообщества?” [1, с. 96]. При этом, согласно заявленным в статье исходным позициям, определившим логику теоретического анализа, предметом исследования была не когнитивная структура психологии (внутринаучный аспект), а *оценки ее состояния* учеными,

¹ Материал продолжает дискуссию, открытую в статье Двойнина А.М. (“Психологический журнал”, 2015, № 6).

рассматриваемые в качестве социокультурного и психологического фактов.

Утверждение о том, что мировая психология не находится во внутринаучном кризисе, было внесено для прояснения моей позиции относительно состояния психологии и для предупреждения вероятных вопросов читателя об этом. Конечно, можно было бы воздержаться от подобного уязвимого для критики утверждения, ибо объем статьи не позволял должным образом развернуть аргументацию, однако мне было важно донести свое понимание проблемы до аудитории в определенной полноте, а не прятаться за логической стройностью высказываний.

При этом внимательный читатель все же найдет в моей статье косвенные доводы в пользу моей позиции. В качестве одного из таких выступают те *объективные различия в дискуссиях о состоянии психологии*, которые ведутся зарубежными и российскими психологами. Различия, в свете которых кризис в психологии становится неочевиден². Далее, как написано в тексте, мое утверждение было сделано “в свете вышесказанного вслед за многими психологами” [1, с. 103], с чьей аргументацией я солидарен (В.Л. Данилова, Г.Е. Грубер и С.Л. Грубер, Д.К. О’Коннелл, Т. Зиттен с соавторами и мн. др.) и которая со ссылками приведена в тексте. И, наконец, важно учитывать *то значение*, в котором мной употребляется понятие “кризис”, а именно: “кризис есть острое (а не хроническое) состояние любой системы, которое делает невозможным ее дальнейшее развитие без радикальных внутренних качественных преобразований (или преобразований внешних связей) и угрожает системе или ее частям распадом” [1, с. 96]. Данное понимание снимает многие вопросы, а также существенно отличается от приводимых А.А. Федоровым восходящих к античности трактовок кризиса, которые настолько расширяют объем этого понятия, что лишают его всякой определенности³. В этом ключе я считаю, что те сложности и противоречия, которые нередко фиксируются учеными как симптомы кризиса (отсутствие единой теории, разрыв между исследовательской и практической психологией и др.), не угрожают в настоящее время психологии реальным распадом и деградацией⁴.

²Что, конечно, чисто логически нельзя рассматривать как прямое доказательство отсутствия кризиса.

³Подобное раздувание объема понятия “кризис”, которое уже происходило в XX веке, вкупе с дефицитом других инструментов оценки состояния психологии, привело к тому, что метафора “кризис” стала в определенной степени декларативной и обрела относительную автономию от реального положения дел в науке [см. об этом в: 3].

⁴Необходимо отметить, что мировая психология сейчас представляет собой такую разветвленную, многосоставную

Многие из этих сложностей вообще носят характер псевдопроблем, порождаемых неадекватными способами их постановки или игнорированием специфики психологической науки⁵. При этом я не призываю отстраняться от разрешения реальных трудностей психологии, связанных, например, с поиском путей экспериментальной проверки конкретных теорий, разработкой категориального аппарата в ряде областей психологии и мн. др.

Внутринаучный кризис психология переживала в конце XIX – начале XX века, ибо вопрос о собственном предмете, методе, статусе и объяснительных принципах в условиях еще не сложившихся внутринаучных традиций, методологий и исследовательских программ был вопросом выживания и самоидентификации психологической науки. Так же в кризисе, но уже имевшем социокультурную (а точнее – идеологическую) природу, находилась советская психология, когда после так называемой “Павловской сессии” Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР (1950 г.) ей фактически грозило уничтожение путем “замены” учением И.П. Павлова о высшей нервной деятельности.

Однако, как мне представляется, отсутствие сейчас внутринаучного кризиса не означает отрицания мною кризисных явлений в психологии, имеющих социокультурную природу⁶. В этом можно убедиться, если не вырывать мое высказывание из контекста и прочесть следующий за ним текст: “Однако психологии следует быть осторожной, так как в современном социокультурном пространстве кризисные явления в той или иной мере проявляются. Эти явления философы отмечают как *глобальный кризис западной культуры и цивилизации*... Психология так или иначе втянута в глобальные культурные и цивилизационные процессы как культурная деятельность определенных научных сообществ, которые переживают кризис или его отсутствие в разной мере” [1, с. 103].

А. А. Федоров также стремится показать, что «поскольку и среди зарубежных психологов немало тех, кто полагает, что психология находится в состоянии

и неравномерно развитую область науки и практики, что для констатации кризиса *всей психологии* необходимо не только указывать на давно известные “классические” проблемы психологии, а проводить глубокий и обширный анализ различных ее составляющих; а это – отдельная и трудновыполнимая задача.

⁵К таковым, например, можно отнести проблему разрыва между исследовательской и практической психологией, о которой идут нескончаемые дискуссии [см. об этом в: 2, 5].

⁶Речь идет о смене типов рациональности, некоторых веяниях постмодернизма и современной поп-культуры, снижении авторитета научного знания, абсолютизации экономических факторов в жизни общества и мн. др.

кризиса, нельзя утверждать, что “за констатацией кризиса в психологической науке скрывается кризис идентичности отечественных психологов”» [4, с. 130]. Именно с такой формулировкой нельзя не согласиться. Действительно, согласно Т. Тео, после 1945 года в научной литературе психологи успели декларировать кризис в социальной, экспериментальной психологии, психометрике, психологии личности, а также указывали на статистический, философский, антропологический, методологический, теоретический, научный, прагматический, этический кризисы, кризис психологического рынка труда, кризис публикаций, кризис прокламаций кризиса и т.п. [7]. М. Мэнди, анализируя тексты по социальной психологии, опубликованные в 1957–1981 гг., замечает, что к “кризисной риторике” относится бесчисленное количество публикаций [6]⁷. Однако вывод о кризисе идентичности российских психологов сделан мной не на основе сравнения *количества* ученых в России и за рубежом, разделяющих мнение о наличии кризиса в психологии, а на основе описанных различий в их научных дискуссиях, а также подробно проанализированных причинах и факторах, детерминировавших переживание кризиса российскими психологами.

Следует отметить, что А. А. Федоров, в свою очередь, практически не приводит серьезных доводов в пользу позиции о наличии кризиса в психологии⁸. По сути, автор сообщает свою интерпретацию состояния психологии, основанную на собственных предпочтениях: “Идея о том, что кризис идентичности, о котором пишет А.М. Двойнин, есть следствие того, что психология пребывает в кризисе, *мне кажется предпочтительней* (курсив мой. – А.Д.),

нежели идея, согласно которой у отечественных психологов наблюдается кризис идентичности, в то время как мировая психология в кризисе не находится” [4, с. 130]. Если бы передо мной стоял выбор между этими идеями на основе предпочтений, то лично я бы предпочел все-таки ту, в которой мировая психология не находится в кризисе, а успешно развивается.

Также нельзя считать аргументом чисто этимологический ход А.А. Федорова, когда, полемизируя со мной о кризисе в психологии, он трактует сам термин “кризис” *по-иному* (обращаясь к его греческим корням), нежели в моем дискурсе. Ведь тогда дискуссия теряет всякий смысл – каждый останется со своей правдой.

А.А. Федоров вообще считает, что «не так уже важно, насколько уместно использовать термин “кризис” для обозначения хронического состояния, поскольку вряд ли психологии станет легче, если вместо этого мы будем говорить о хронической патологии» [4, с. 129]. Вместе с тем он полагает, что «использование термина “кризис” позволяет сохранить преемственность в дискуссии, которая началась более ста лет назад» [4, с. 129]. Как пишет автор, зарубежные психологи привыкли жить в кризисном состоянии, в то время как российское академическое сообщество «просто острее чувствует кризисное состояние, подобно тому, как человек, у которого нет домашних животных, может чувствовать “кошачий запах” в гостях» [4, с. 130].

Как мне представляется, суть обсуждаемой проблемы заключается не в *назывании* того состояния, в котором находится психология, а в *точности диагноза*, от которого зависит вектор приложения усилий ученых. Привычка, о которой пишет А.А. Федоров, – это привычка не к кризисному состоянию, а к *метафоре кризиса*, которая довлеет над сознанием большого количества психологов и провоцирует их на создание разного рода универсальных методологических проектов всеобщей интеграции психологии в попытках хоть как-то реализовать свою утопичную мечту о единой парадигме⁹. Попытки эти, как видно, не заканчиваются успехом, а сами проекты ничего собственно не меняют, но продолжают упорно множиться, забирая огромное количество интеллектуальных усилий психологов. Поэтому привычка к кризису крайне вредна, и ее надо не сохранять, а преодолевать, ведя здоровый образ жизни, т.е. направляя свои усилия на разрешение

⁷Замечу, что в своей исходной статье я сознательно воздержался от анализа всех тех работ, в которых обсуждалось наличие или отсутствие кризиса в рамках какого-либо одного направления/отрасли. В статье речь шла о кризисе психологии в целом.

⁸Исключением мог бы стать аргумент к проблеме реплицируемости (т.е. воспроизводимости) результатов психологических исследований, о которой пишет автор. Однако сам А.А. Федоров оговаривается, что реальность “кризиса воспроизводимости” утверждается одними учеными и отрицается другими. Добавлю, что проблема реплицируемости в гуманитарных и общественных науках существовала всегда и не является чем-то принципиально новым, доселе неизвестным науковедам. Если говорить конкретно о психологии, то можно вспомнить хотя бы дискуссии конца XIX – начала XX века о неточности и вариативности интроспективных исследований. Однако разве обсуждаемые сейчас трудности репликации полностью подрывают доверие к психологии? Если да, то нам с А.А. Федоровым, возможно, следовало бы тогда поискать другую сферу приложения своих интеллектуальных усилий, чтобы (продолжая аналогию моего коллеги, сравнившего кризисное состояние психологии с сомнительными ароматами пушистых четвероногих зверушек) не привыкать к “кошачьему запаху”.

⁹ Данная мечта утопична, так как строится на классической модели науки, не соответствующей нынешним научным реалиям.

проблемных точек в конкретных предметных областях психологии. И когда мы займемся, говоря словами героя повести М.А. Булгакова “Собачье сердце”, такой “чисткой сараев”, разруха (читай – кризис) исчезнет сама собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Двойнин А.М. Кризис в психологии или кризис идентичности российских психологов? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 94–107.
2. Двойнин А.М. Исследовательская и практическая психология: “схизис” или необходимый “люфт”? // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015. Р. 229–264.
3. Двойнин А.М. Кризис в психологии или внутри нас самих? // Вопросы психологии. 2016. № 1. С. 45–54.
4. Федоров А.А. Привычка к кризису // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. 129–132.
5. Юревич А.В. Исследовательская и практическая психология: еще раз о “схизисе” // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 127–136.

6. Mandy M. Reading the rhetoric of “Crisis” // Theory and Psychology. 1996. Vol. 6. № 2. P. 267–286.
7. Teo Th. The Critique of psychology. From Kant to postcolonial theory. Toronto: Springer, 2005.

REFERENCES

1. Dvoinin A. M. Krizis v psihologii ili krizis identichnosti rossijskih psihologov? // Psihologicheskii zhurnal. 2015. Vol. 36. № 6. P. 94–107.
2. Dvoinin A. M. Issledovatel'skaya i prakticheskaya psihologia: “skhizis” ili neobhodimy “ljuft”? // Vzaimootnosheniya issledovatel'skoy i prakticheskoy psihologii / Pod red. A.L. Zhuravleva, A.V. Jurevicha. M.: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2015. P. 229–264.
3. Dvoinin A. M. Krizis v psihologii ili vnutri nas samikh? // Voprosy psihologii. 2016. № 1. P. 45–54.
4. Fedorov A. A. Privychka k krizisu // Psihologicheskii zhurnal. 2017. Vol. 38. № 2. P. 124–127.
5. Jurevich A. V. Issledovatel'skaya i prakticheskaya psihologiya: esche raz o “skhizise” // Psihologicheskii zhurnal. 2012. Vol. 33. № 1. P. 127–136.

**FROM PSYCHOLOGISTS' PERNICIOUS HABITUATION
TO CRISIS – TO HEALTHY LIFE-STYLE
(COMMENTARY ON A.A. FEDOROV'S ARTICLE “THE HABIT OF CRISIS”)**

A. M. Dvoinin

*Moscow City University; 129226, Moscow, 2 Selskokhozyaistvenniy pr., 4–1,
Russian Federation;*

PhD (Psychology), associate professor at Psychology of Education Department.

E-mail: alexdvoinin@mail.ru

Recieved 27.04.2016

Abstract. Specifications and considerations on previously made author's statement that world psychology is not in intra-scientific crisis are given. It is explained that complexities that are quite often registered by researches as symptoms of crisis does not at present threaten psychology by real decay and degradation and that is why shouldn't not be considered per se. It is contend that vector of psychologists efforts' application depends on accuracy of diagnosis to psychology. Psychologists not so much used to live in the state of crisis as get used to “crisis” metaphor which provokes them on creation of universal methodological projects for psychology's integration that does not change emerging situation fundamentally. Besides it is necessary to focus attempts on solving problems in particular subject fields of psychology.

Keywords: crisis in psychology, symptoms of a crisis, integration of psychology, methodological discussions, crisis of identity.